

Поляки под знамёнами российской императорской армии

Igor Grebenkin

(Esenin Ryazan State University, Russia)

The Poles under the banner of the Russian Imperial army

В истории государств и народов есть периоды и сюжеты, которые особенно эмоционально воспринимаются массовым сознанием. Подобная актуализация обычно усложняет задачу исследователей, так как предпочтения общественности, а иногда и политическая конъюнктура могут влиять на процесс осмысления прошлого и их выводы. Для российско-польской исторической проблематики сложными остаются тема пребывания Польши в составе Российской империи и различные аспекты сосуществования в одном государстве русских и поляков. Тем не менее интересы историков подчиняются своим законам, что ещё раз доказывает книга польского исследователя Яцека Легеча «Служба рекрутов из Царства Польского в российской армии в 1874–1913 гг.», вышедшая в свет в издательстве Университета Яна Кохановского в Кельце*.

Современная польская историография неоднократно обращалась к проблемам службы в императорской армии и участия поляков в войнах России XIX – начала XX в¹. Развивая эту традицию, Я. Легеч освещает разные стороны военной службы жителей российской Польши в течение почти 40 лет – от военных реформ Д. А. Милютина до Первой мировой войны. Особого внимания заслуживает тот факт, что эти хронологические рамки охватывают заключительный период развития вооружённых сил империи, когда комплектование армии и флота осуществлялось на основе всеобщей воинской повинности и, таким образом, соответствуют подходам, принятым в российской историографии. В работе автор опирался на широкий круг источников, объединив-

ший государственные и воинские законодательные акты, военную публицистику современников, разнообразные источники личного происхождения, материалы российской и польской периодической печати, а также огромный массив документов из архивных собраний России, Польши, Украины и Литвы.

Великие реформы в польских губерниях осуществлялись в трудное время, когда в настроениях общества сильна была память о событиях восстания 1863–1864 гг. Состояние тревожного затишья ощущалось представителями российской администрации в крае: «Один из принципов жизни поляков: надо избегать всякого слияния и общения с чем-либо русским. Держаться на почве строгого религиозного союза с католической церковью. Непримируемая ненависть к общему врагу – России... Наша сила и влияние в Царстве Польском весьма слабы»².

В начале 1870-х гг. при обсуждении проекта военной реформы даже признавалось нецелесообразным в случае ускоренной мобилизации пополнять приграничные контингенты в Польше запасными из местных жителей³. Между тем в отношении поляков ограничений по исполнению воинской повинности не существовало. Во времена рекрутских наборов различного рода нелояльность властям скорее могла стать причиной отдачи в солдаты, которая понималась как репрессивная мера. Ещё в 1832 г. рекрутами николаевской армии стали многие участники недавнего ноябрьского восстания. Принятый с 1874 г. Устав о всеобщей воинской повинности устанавливал для христиан Царства Польского общие с остальным

* *Legiec J. Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii rosyjskiej w latach 1874–1913.* Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2013. 310 s.

православным населением империи условия призыва на службу. В последующие годы динамика воинского призыва в польских землях примерно соответствовала общероссийской тенденции. Число новобранцев постепенно возрастало и за 30 лет увеличилось более чем в полтора раза — с 20 тыс. в 1880-х гг. до почти 40 тыс. в 1910-х гг., что составляло 9–10% всего призывного контингента (s. 73–74).

В начале исследования автор остановился на тех событиях и процессах, которые определяли облик императорской армии пореформенных десятилетий. Очерк состояния и развития вооружённых сил охватывает широкий круг вопросов: содержание и реализация военной реформы; деятельность военного ведомства в период руководства Д.А. Милютина и его преемников; изменения в составе, организации армии и управлении ею; её вооружение и оснащение; дислокация воинских контингентов; комплектование и подготовка командного состава. Благодаря реформам в военной сфере, констатирует автор, произошли громадные сдвиги, однако на качество вооружённых сил России влиял целый комплекс проблем — политических, экономических, социальных, отражавших противоречивый характер российской модернизации. Важнейшим достижением реформы с точки зрения гуманизации службы нижних чинов стало сокращение её сроков. Теперь воинский призыв не был для рекрута фатальным, необратимым поворотом в судьбе, а означал собой лишь очередной жизненный этап — важный, но преходящий.

Центральную часть исследования Легеч построил в соответствии с естественным порядком событий, переживаемым любым новобранцем, вступавшим в ряды армии. Вместе с солдатом читатель проходит все этапы воинской службы — от процедуры призыва до увольнения в запас. На особенности воинского призыва в крае влиял весьма разнообразный национальный, конфессиональный и социальный состав населения. В рекрутских командах наряду с поляками на службу отправлялись литовцы, немцы, украинцы, белорусы, евреи, которых связывали традиционно непростые отношения. Проанализировав обширный статистический

материал, автор пришёл к выводу: в среднем на 70–75% польские призывные контингенты были представлены этническими поляками (второе место принадлежало евреям — 11–12%), на 80% — сельскими жителями (только в Варшавской губ. доля горожан превышала 20%) (s. 78–82). Отдельно исследователь уделит внимание любопытному сюжету — практике уклонений от призыва и способам его избежания. Как везде и во все времена, такая стезя открывала большой простор для изобретательности уклонистов и злоупотреблений должностных лиц — воинских начальников, врачей, чинов полиции и жандармерии.

Оставляя родные края, команды новобранцев следовали к местам предстоящей службы. Их распределение по военным округам было строго определено. Как отмечает автор, в первые пореформенные годы больше всего солдат-поляков оставалось служить в Польше (25–35%), либо они отправлялись на Кавказ, но впоследствии их численность там постоянно снижалась. Спустя 30 лет, в начале нового века, главным местом службы выходцев из Царства Польского стали военные округа Центральной России, реже они попадали в Туркестан, Сибирь и на Дальний Восток и лишь ничтожное меньшинство — единицы процентов — оставалось служить в губерниях российской Польши (s. 89–92). Для недавних крестьян, за редким исключением не покидавших родных мест, само путешествие в чужую страну становилось небывалым событием. Огромное впечатление производили расстояния, которые им приходилось преодолевать по железной дороге, а иногда водным путём в течение многих дней и даже недель.

Обращаясь к действительной службе солдат из Царства Польского, автор оказался перед необходимостью создать общую картину повседневной жизни нижних чинов российской армии в течение почти 40 лет. Воинская учёба, бытовые условия, отношения с товарищами и начальством, досуг — все эти стороны солдатского бытия представлены в книге и служат решению основной задачи исследования. Восстановить образы армейской повседневности Легечу помогли как официальные документы (уставы, инструкции,

бумаги штабного делопроизводства), так и богатое мемуарное наследие. Особую ценность в данном контексте представляют издававшиеся в Польше в 1930-х гг. воспоминания крестьян, где содержится множество любопытных свидетельств об их службе в царской армии⁴.

Какие-либо проявления дискриминации в армии, где до четверти личного состава нижних чинов составляли представители национальных и религиозных меньшинств, противоречили бы самой идее всеобщей воинской повинности. Солдаты из Царства Польского проходили службу в частях всех родов войск и быстро осваивались в армейской жизни. «Проблемным» контингентом считались лишь те, кто изначально не владел русским языком, но командирам было нелегко и с неграмотными новобранцами-крестьянами из российской глубинки. Солдаты-поляки обнаруживали, что практика властей, которую в Польше принято было считать русификаторской, не ощущалась по отношению к ним со стороны воинского начальства в России. Вне службы никак не ограничивалось использование польского языка, можно было свободно читать польские книги и газеты, допускалось обучение малограмотных солдат письму и чтению по-польски.

Схожие выводы автор делает и в отношении религиозной жизни поляков-католиков в период армейской службы. Если в Польше религиозность населения воспринималась администрацией едва ли не как проявление фронды, то в российских условиях набожность солдата-поляка выглядела скорее признаком лояльности⁵. В городах, где существовали римско-католические приходы, солдаты имели возможность регулярно посещать костёлы, а священники исполняли функции военных капелланов в гарнизонах. Визиты ксёндзов могли быть редкими, если им приходилось добираться в воинские расположения издалека, но в таких случаях солдаты воспринимали их появление как яркое событие, едва ли не праздник, ожидание и подготовка к которому особенно их сплачивала.

В армии пореформенной эпохи солдаты уже не чувствовали себя оторванными от родины и близких. Нередко на службе

они встречали своих соотечественников — офицеров и врачей. Хотя отпуска для нижних чинов были редкостью, поддерживать контакты с семьями помогала переписка, которая к тому же поощрялась начальством. Новости из родных мест поступали с вновь прибывавшими новобранцами, либо, наоборот, увольнявшиеся в запас старослужащие привозили домой известия от земляков-однополчан.

Завершение службы и возвращение домой также становились для солдата важным рубежом. Полученный в армии жизненный опыт, а нередко и образование во многом влияли на его дальнейшую судьбу. Автор справедливо отмечает, что мнения и оценки бывших солдат о годах, проведённых на службе, отражали самый широкий спектр настроений, имевших в основном социальную природу. Одни вспоминали это время с теплотой, у других оно связывалось с тяготами и унижениями. Для молодых людей из зажиточных и образованных слоёв эти впечатления были более индивидуальны. Выходцам из бедных крестьянских семей военная служба представлялась своего рода социальным лифтом, возможностью перемены участи. Один солдат, до срока уволенный в запас, вспоминал, как напутствовал его ротный командир: «Жалко тебя С., из тебя тут вышел человек, а там, дома как служил хозяину, так и будешь служить» (s. 182).

Возвращение к гражданской жизни на родине требовало от бывшего солдата некой адаптации к прежней социальной роли. Ему, в известной мере олицетворявшему Российское государство, необходимо было вновь стать частным лицом, носителем привычных черт — семьянином, тружеником, поляком. Автор замечает, что этот неизбежный этап мог таить трудности, так как общество не поощряло тех, кто особенно был склонен идентифицировать себя с прошлой воинской службой, слишком гордился и хвастал своими военными заслугами.

Положению бывших солдат в Царстве Польском после их увольнения в запас посвящён особый раздел монографии. Обязанности, связанные с пребыванием в воинском резерве и государственном ополчении, не были обременительными и напоминали о себе лишь только в случае войны и мобили-

лизации. В 1877 г. — в начале войны с Турцией — в польских губерниях было мобилизовано около 17 тыс. резервистов, а во время войны с Японией 1904–1905 гг., несмотря на революционные события и рост протестных настроений населения, — около 55 тыс. В обоих случаях эта доля не превышала 5% общей численности военнообязанных в крае, что нельзя признать чрезмерной и неоправданной эксплуатацией мобилизационных ресурсов (с. 223).

Именно в военное время со всей очевидностью вскрылось отсутствие поддержки государством инвалидов, семей военнотружущих, погибших и умерших от ран воинов, которое до поры компенсировалось средствами общественной благотворительности. Система подобных мер на законодательном уровне была утверждена в стране лишь в преддверии Первой мировой войны. Само участие солдат, призванных из Царства Польского в военных кампаниях, которые вела Россия в те годы, осталось за пределами исследования, так как эта тема, по мнению автора, заслуживает отдельного рассмотрения.

Несомненным достоинством монографии Легеча является то, что исследовательская задача реализована в ней с исчерпывающей широтой. Автору удалось выйти за пределы региональной и военно-исторической проблематики и раскрыть один из интереснейших социально-антропологических аспектов истории дореволюционной России. Многие наблюдения и выводы, построенные на материалах губерний Царства Польского, в значительной степени применимы к условиям и реалиям разных территорий и групп населения Российской империи, служат пониманию отношений власти и общества на примере функционирования института всеобщей воинской повинности.

Чем же была для жителей Царства Польского служба в российской армии

в эпоху реформ — средством инкорпорации поляков и Польши в общеимперское пространство, как считали некоторые российские чиновники, или дополнительным поводом для осознания населением края национальной специфики и ещё одним фактором формирования идентичности? Этот вопрос занимает не только автора книги, но и его коллег, польских историков, в той или иной мере обращавшихся к данной теме. Исследование Я. Легеча показывает, что невозможно ответить на такой сложный вопрос непредвзято, используя категории, связанные лишь с национальными отношениями. Обе тенденции были сложно социально обусловлены, причудливо сосуществовали, конкурировали и ждали разрешения в недалёком будущем.

Примечания

¹ См., например: *Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1832–1873*. Warszawa, 2001; *Polacy i ziemie polskie w dobie wojny krymskiej* / Red. J.W. Borejsza, G.P. Bąbiak. Warszawa, 2008; *Zbierski A., Cieślak M., Trawicki L. Udział Polaków w wojnie rosyjsko-japońskiej na morzu 1904–1905*. Gdańsk, 2000; *Kulik M. Polacy wśród wyższych oficerów armii rosyjskiej Warszawskiego Okręgu Wojskowego (1865–1914)*. Warszawa, 2008.

² Цит. по: *Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в.* СПб., 2007. С. 221.

³ *Зайончковский П.А. Военная реформа 1860–1870-х гг. в России*. М., 1952. С. 297.

⁴ См.: *Pamiętniki chłopów*. Warszawa, 1935; *ibid. Serja II*. Warszawa, 1936.

⁵ Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников вспоминал, что во время службы в Ташкенте в 1911 г. его денщик-поляк каждое воскресенье на три часа отправлялся в костёл. «В этом, — отмечает офицер, — я не мог ему отказать» (*Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды*. М., 1982. С. 180).